

Крестьянские волнения на Северо-Западе России летом 1831 года¹

А. К. Егоров

Александр Константинович Егоров, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет. 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33; научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11. E-mail: akegorov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению крестьянских волнений на Северо-Западе России во время холерной эпидемии. Летом 1831 года, сразу после массового исхода рабочих из Петербурга, вызванного холерными бунтами в столице, в Петербургской и Олонецкой губерниях прошла целая серия крестьянских выступлений. В ходе этих выступлений жители нападали на карантинные пункты, врачей и чиновников, подозревая их в злоупотреблениях и отравлении народа под предлогом борьбы с холерой. Крестьяне задерживали подозреваемых, избивали и пытали их, требуя признания в предполагаемых преступлениях. Эти крестьянские волнения вызвали серьезное беспокойство властей, уделявших особое внимание сбору сведений о поведении населения в условиях эпидемии. Особенностью данных волнений было постепенное смещение эпицентра беспорядков на восток вдоль водных путей коммуникации: по рекам и каналам Мариинской системы. Эти волнения были вызваны совокупностью факторов, имевших как общероссийскую природу, так и локальную специфику. Первым важным фактором были слухи об отравлении, которые распространялись по Мариинской водной системе и ее окрестностям. Их первоисточником был Петербург, холерные бунты в котором стимулировали появление и распространение слухов об отравлении. Вторым важным фактором оказались сами водные пути коммуникации, позволявшие людям и слухам сравнительно быстро перемещаться на большие расстояния. Третий важный фактор — недоверие населения к властям, врачам и противоэпидемическим мероприятиям. Данные крестьянские волнения являются составной частью холерных беспорядков в России летом 1831 года.

Ключевые слова: крестьянские волнения, эпидемия, холера, слухи, отравление, паника, насилие, коммуникация, пути сообщения

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-39-53

Эпидемия холеры и народные волнения

В 1830 году в России началась эпидемия холеры, которая не только привела к большим человеческим жертвам, но и стимулировала рас-

1. Статья написана в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.

пространение агрессивных слухов, в которых вина за гибель людей возлагалась на чиновников, врачей и злоумышленников, которые под предлогом холеры якобы морили людей в больницах или повсеместно отравляли еду и воду. Подобные слухи, в свою очередь, вызвали народные волнения, во время которых отчаявшиеся люди пытались самостоятельно найти и нейтрализовать предполагаемых виновников своих бедствий. Холерные волнения начались в России осенью 1830 года и достигли апогея летом следующего, 1831 года (McGrew, 1965: 67, 106–107).

Центральным событием холерных волнений лета 1831 года в России стали массовые беспорядки 21–25 июня в столице империи Петербурге, в ходе которых толпы нападали на больницы и ловили на улицах подозреваемых в отравлении народа (McGrew, 1965: 111–113; Барабанова, 2014: 130–144; Каратыгин, 1887: 51–61; Гессен, 1932: 21–28). Холерные «бунты» в Петербурге не только были самыми массовыми волнениями в том году, но они также сыграли свою роль в провоцировании холерных беспорядков и в соседних со столицей местностях.

Вскоре после прекращения волнений в Петербурге, после 25 июня, из столицы начался исход сезонных рабочих, которые двинулись к местам своего постоянного проживания. Согласно официальным источникам, из Петербурга вышли от 10 до 12 тысяч человек². Причины исхода назывались разные. Наиболее вероятная из них заключалась в том, что люди спасались от массового насилия, а также от холеры, которая после завершения волнений достигла в столице максимальной интенсивности (McGrew, 1965: 113). По официальной версии, причиной ухода рабочих была остановка промышленных предприятий столицы³. Также есть сведения, что исход был вызван принудительной высылкой рабочих из города по решению Николая I (Эйлер, 1880: 391).

Многие тысячи человек расходились по дорогам в разные стороны от Петербурга, рассказывая местному населению о событиях в столице. Согласно официальной версии, именно сезонные рабочие стали распространять в соседних регионах слухи об отравлении, что явилось причиной массовых беспорядков; эту точку зрения можно встретить и в литературе (Каратыгин, 1887: 72; Панаев, 1870: 77, 80).

Вышедшие из Петербурга люди стали предметом особого беспокойства центральной и губернских властей. 3 июля губернатор Новгородской губернии получил распоряжение из столицы о не-

2. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45.

3. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45.

обходимости наблюдения за вышедшими из Петербурга рабочими⁴. Известно также, что примерно в это же время управляющий Тихвинской водной системой барон Розен требовал от властей Новгородской, Тверской и Ярославской губерний предупреждать «всякие нелепые слухи, которые могут быть распространены людьми, прибывшими из Петербурга»⁵.

На основании имеющихся источников можно выделить четыре главных направления распространения слухов и массовых беспорядков.

Первым было юго-западное направление — на Лугу. В Лужском уезде начались беспорядки среди крестьян, которые подозревали своих помещиков и проезжающих по их селениям посторонних в отравлении «жизненных припасов», полей и воды⁶.

Вторым было юго-восточное направление — по Московской дороге и реке Волхов, до Новгорода и далее в Тверскую губернию. Уже в начале июля «слух, будто в С.-Петербурге поляки сыпят <...> в вино и в водовозные бочки яд, от чего люди умирают в короткое время, с признаками отравления ядом» достиг Новгорода⁷. Юго-восточное направление вызывало особое беспокойство властей, поскольку вело в Центральную Россию. Петербургский губернатор Храповицкий указывал в своем предписании губернскому правлению, что «для предупреждения беспорядков в местах по тракту от С.-Петербурга до Москвы, послан генерал-майор свиты его императорского величества граф Строганов»⁸. Опасения властей не были напрасными. 11 июля начался бунт в Новгородских военных поселениях, вызванный слухами об отравлении и вдохновляемый примерами Петербурга (Евстафьев, 1934).

Третьим было восточное направление — по Тихвинской водной системе. 10 июля новгородский губернатор писал министру внутренних дел о том, что 6 июля некоторые пассажиры корабля, оставившегося в селении Сомино на Тихвинской системе в отдаленной от столицы части Новгородской губернии, увидев на пристани врача, стали подстрекать других пассажиров к тому, чтобы поймать и избить его. Этим врачом был лекарь ведомства путей сообщения Туроли, а пассажирами оказались рабочие, шедшие из Петербурга⁹.

Четвертым стало северо-восточное направление — по Мариинской водной системе, Ладожскому озеру и реке Свирь. В предписании петербургского губернатора Храповицкого губернскому

4. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1286. Оп. 5. Д. 442. Л. 10 об.

5. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 442. Л. 10 об.

6. РГИА. Ф. 1345. Оп. 105. Д. 341. Л. 3; ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 2. Д. 25. Л. 4–8.

7. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 6.

8. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45 об.

9. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 442. Л. 10 об.

правлению указывалось, что «распущенные неблагонамеренными людьми слухи, будто бы болезнь и смертность происходят не от эпидемии, а от отравы, изданным тотчас от Правительства объявлением опровергнуты и не имели в столице особенных последствий. Между тем произошедшая от появления сей жестокой болезни остановка в промышленности вынудила разного звания рабочих и промышленников, в большом числе стекающихся каждой весной в Санкт-Петербург, отправиться обратно в свои жилища. Людей таковых вышло из Петербурга до 12 тысяч человек. Вскоре после их выхода получены сведения, что означенные нелепые слухи об отраве, распространяясь как по пути следования сих людей, так и в других ближайших к столице местах, послужили поводом к беспокойствам и беспорядкам. Первые беспокойства возникли в Ладогском (Новоладожском. — А. Е.) уезде, но принятыми тотчас мерами прекращены и порядок совершенно восстановлен <...>»¹⁰.

Согласно объявлению Храповицкого от 3 июля 1831 года, «крестьяне в Новоладожском у[езде] искали и били врачей, подозревая их в том, что они морят отводимых в больницы людей и дают вредные лекарства». А в самой Новой Ладоге «возник ропот, связанный со злоупотреблениями относительно возникшего недостатка в продовольствии по причине карантин». Также, согласно официальным источникам, «крестьяне бунтовали в Сяеских рядках, Сермаксе и Сумском»¹¹.

В центре внимания данной статьи будет именно четвертое, северо-восточное направление. В отличие от событий на юго-восточном направлении, лучше изученных, волнения в Ладожско-Свирском регионе не исследованы совсем. Между тем в этом районе сформировался единый обширный очаг волнений, вызванных слухами об отравлении, со смещением эпицентра беспорядков все дальше на северо-восток. Целью статьи является рассмотрение этих эпизодов для определения главных факторов, которые обеспечили довольно быстрое движение массовых беспорядков на северо-восток и создали условия для распространения волнений на обширную территорию. Также будут выявлены локальные особенности этих беспорядков в сравнении с холерными волнениями в других регионах. Это позволит больше узнать о холерных волнениях в России XIX века.

Волнения в Петербургской губернии

Волнения на северо-восточном направлении начались 26 июня среди государственных и помещичьих крестьян разных деревень Новоладожского уезда по южному берегу Ладожского озера. В этот день

10. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45.

11. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2400. Л. 19–19 об, 24.

помещичьи крестьяне графини Лаваль деревень Березье и Немятово в нижнем течении реки Волхов, во время крестного хода по случаю дня Тихвинской иконы Божьей Матери напали на карантинную обсервационную заставу, расположенную при устье Сяского канала. «Народ собрался около избы, в которой жил карантинный лекарь Штюц и начал кричать, что он морит людей, отравляет их ядом, и когда увидел лекаря, бросился на него и начал его бить». Помимо Штюца, был избит аптекарский помощник Гох. «Люди потребовали уничтожения лазарета и прекращения всякого лечения»¹².

Местному чиновнику удалось успокоить крестьян, однако вскоре к нему подъехали суда и лодки, находившиеся на них люди потребовали пропустить все суда и барки через карантин, говоря, что разорились и не имеют денег, «чем кормиться»¹³.

Расследование показало, что крестьяне, напавшие на заставу, были «увлечены ложным слухом, будто народ отравляют», и что эти слухи «распространяли проходившие через карантин судорабочие люди». Главными виновниками беспорядков на карантине были названы крестьянин деревни Березье Петр Мазелин и тихвинский мещанин Степан Гуляев. Последний, в частности, заявлял, что «карантины поставлены без воли правительства»¹⁴.

Агрессивные слухи, ходившие в этой местности, использовались и представителями власти. Так, смотритель указанной обсервационной заставы при устье Сяского канала Петров писал 28 июня 1831 года новолодожскому предводителю дворянства, что «по слухам довольно достоверным, дошедшим до меня и г. штаб-лекаря Барановского, крестьяне графини Лаваль деревни Кузнецовщины с прочими намерены разбить сегодня вверенную мне заставу»¹⁵. Это сообщение показывает, что после событий 26 июня крестьяне соседних селений не отказались от идеи нападения на карантин. С другой стороны, Петров, упоминая об угрозе нападения, возможно, просто хотел добиться от вышестоящих властей выделения дополнительных сил для охраны заставы.

В процессе движения рабочих на восток эпицентр беспорядков сместился также чуть восточнее. Через два дня после нападения на сяский карантин начались волнения крестьян в том же уезде, в селе Сяские рядки и соседних селениях. Местные жители напали на прапорщиков ведомства путей сообщения Рокштуля и Гущина, причинив им «жестокие побои», по подозрению в том, что они отравляют людей¹⁶.

12. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2432. Л. 47; Д. 2400. Л. 115, 122.

13. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2432. Л. 47 об.

14. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2432. Л. 139; Д. 2400. Л. 115, 122.

15. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2391. Л. 279.

16. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 1.

28 июня 1831 года крестьяне Сяских рядков под предлогом желания «посмотреть канал (Сяский канал. — *А. Е.*), которого давно не видели», собрались у квартир прапорщиков Рокштуля и Глинского с целью схватить их. Толпа подозревала офицеров путей сообщения, работавших на канале, а также врачей в том, что они пускают яд на воду, который якобы «имеет действие на семь верст». Все это крестьяне якобы слышали от солдат 1-го округа путей сообщения, но не называли имен (Граф Аракчеев, 1871: 53–54).

Крестьяне потребовали от Рокштуля уехать из селения, угрожая в противном случае «поступить с ним дурно». Известно, что вопрос о том, чтобы выгнать из селения прапорщика Рокштуля, обсуждался на мирском сходе. Также жители требовали, чтобы уехал мастер 3-го класса Редьковский, угрожая в случае отказа «бросить его в канал». Причиной такой угрозы было то, что жена солдата Василия Тинькова распространяла слух, будто у унтер-офицера Редьковского есть бумаги с ядом. В толпе кричали, что «нужно бы было их обоих (Рокштуля и Редьковского. — *А. Е.*) бросить в воду!». Прапорщик Рокштуль был вынужден уехать, а Редьковского, принимая во внимание слова солдатской жены, толпа не отпустила (Граф Аракчеев, 1871: 58)¹⁷.

На следующий день, 29 июня, Рокштуль все равно был задержан: когда он переплывал на лодке через р. Сясь, он был заподозрен крестьянином Архимом Карповым в том, что лил в реку яд. Карпов рассказал об этом другим крестьянам, которые бросились в погоню за Рокштулем и задержали его. Был задержан и инженер строительного отряда прапорщик Гуцин, которого также заподозрили в том, что он лил яд в воду из бутылки (Там же: 58–59). На 29 июня приходился церковный праздник, день Петра и Павла, это обстоятельство могло повлиять на эскалацию беспорядков, поскольку создавало условия для массового скопления праздного народа.

Можно также предположить, что основанием для задержания Рокштуля были «показания», взятые жителями у задержанного ими Редьковского. Согласно данным следствия, мастер 3-го класса 1-го округа ведомства путей сообщения Иван Редьковский «разглашал, что инженер-прапорщик Рокштуль лил в реку Сясь из бутылки жидкость, которая в данной им крестьянам и утвержденной пред священником Успенско-Сяского погоста Федором Рыбинским подписке названа смертоносным зельем, заразив им будто бы четырех человек»¹⁸.

Рокштуля и Гуцина повели в деревню Пульницы, при этом «били граблями, кольями и руками и осыпали всевозможными ругательствами». Один из крестьян, житель деревни Реброво Константин Севастьянов кричал в адрес офицеров: «Они нас в землю хотят покласть!» (Там же: 60–61).

17. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 1 об.

18. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 1.

В Пульницах толпа встретила офицера, который вел партию рекрут из Вятской губернии. Истязаемые Рокштуль и Гуцин попросили его о помощи, но партионный офицер ответил, что просьбу их исполнить не может (Там же: 60). Этим партионным офицером был прапорщик Кандаков, который в тот же день, 29 июня, писал в своем рапорте новолодожскому предводителю дворянства Савицкому, что жители деревни Пульницы поймали двух офицеров, «якобы спущающими по реке яд, и стали обращаться с ними жестоким образом, связали и избивали их»¹⁹.

В Пульницах жители потребовали от офицеров, чтобы они дали им «письменное показание, что пускали в воду яд» «для отравы людей», угрожая пытками огнем и водой. Кроме этого, крестьян интересовало, с какой целью и откуда Рокштуль приехал, а также кто послал его в Сяские рядки (Там же: 61, 63). Под пытками Рокштуль был вынужден дать ложные показания, что «пускал в воду хлористую известь для отравления людей». Гуцина же крестьяне заставили написать записку, что у него на квартире есть марганец, серная кислота и хлористая известь (Там же: 61–62).

Вскоре местные власти смогли освободить офицеров. При этом некоторые беспорядки продолжились и дальше, когда крестьяне отказались выполнять требование новолодожского помещика Каменского о выделении отдельных квартир для помещения больных холерой и «окурке» крестьянских жилищ различными «снадобьями» для очищения воздуха. «Крестьяне заявили, что господ слушать они не будут, потому что они отравляют ядом и сыпят его в реку, и что они имеют в том расписки, которые ему и показали». Также крестьяне сказали, что кроме государя, никому подчиняться не будут (Там же: 67–68).

При разговоре Каменского с крестьянами некий пономарь рассказывал присутствовавшим, что он сам видел, как в полночь Гуцин лил яд в реку Сясь, и прибавлял, что в Петербурге велено всех останавливать и обыскивать, что он все это читал. На возражения Каменского пономарь грубо отвечал, что «господа ныне взялись всех отравлять» (Там же: 68).

Можно предположить, что этим церковнослужителем был пономарь Рогожинского погоста Андрей Васильев, который был признан следствием главным подстрекателем бунта в селе Сяские рядки и других селениях. Его обвиняли в том, что он кричал крестьянам: «Что вы делаете? Берите комиссара и бросьте его в реку»²⁰.

Главными виновниками волнений в Сяских рядках и их окрестностях были названы, помимо уже упомянутых Андрея Васильева и Константина Севастьянова, также крестьянин деревни Пульницы Степан Дементьев и десятский деревни Подрябенье Ефим Си-

19. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2391. Л. 282.

20. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2400. Л. 106–106 об.

доров, который, согласно материалам следствия, «гнался за офицерами, причинял им побои, угрожал бросить [их] в воду и жечь их на соломе»²¹.

Через два дня после начала волнений в Сяеских рядках, 30 июня, начались беспорядки еще восточнее, в Пашском погосте. Там местные жители напали на губернского секретаря Дементьева, ехавшего из Олонца в Петербург. Крестьяне заподозрили Дементьева в том, что он «различными снадобьями отравляет людей и морит их холерой», обвиняя его также в том, что он находится «в заговоре с поляками, действует с ними заодно против них [крестьян]», что они «видели, как он ходил по погосту, бродил по хлебам и около ручьев и отравлял хлеб и воду, употребляемые ими [крестьянами]», «что он, когда ему сказали о их несчастье — холере, предлагал вылечить одну женщину, и что когда он получил отказ, в том семействе умерло пять человек» (Там же: 79–80).

Крестьяне, собравшись толпой, в поисках яда обыскали и раздели Дементьева, оставив его в одной рубашке, затем связали его. Крестьяне потребовали от него признать себя отравителем. Вероятно, он отказался, и крестьяне собрали «мир» и приняли решение пытать Дементьева. «Его привязали к столбу, подложили под него горящий костер и стали допрашивать». Также Дементьева «секли розгами, таскали за волосы по всей деревне, перетаскивали даже через мост на другой берег реки». Дементьев был спасен только приехавшими властями (Там же: 80–82).

На суде крестьяне заявили, что они напали на Дементьева «потому, что, во-первых, подозревали в нем виновника распространившейся между ними холеры, и во-вторых, за то, что слышали, будто в Петербурге бьют многих людей, называя их поляками и обвиняя их в том, что они морят людей» (Там же: 84).

Волнения в Олонецкой губернии

Спустя еще несколько дней начались волнения крестьян далее к востоку, в Сермакской волости Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии. Там стали распространяться «слухи о том, что кидают яд по реке Оять, [крестьяне] перестали брать воду [из Ояти], начали брать [воду] из реки Свирь и из колодцев, состоящих за присмотром»²².

В это же время, по причине появления в волости холеры, там находились «командированные на место особо учрежденным комитетом попечитель [участка] чиновник 5-го класса Шлефохт, смотритель Мартынов, олонецкий уездный лекарь Чернявский, с ними старший ученик Яков Богданов, а потом прибыл туда по особому

21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 3.

22. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 9.

от гражданского губернатора поручению для учреждения карантинных советник уголовной палаты Шкалин»²³.

«5 июля, примерно в половину первого часа пополудни, крестьяне до 200 человек, собравшись в деревне Александровщина, произвели разные буйства, отобрали от уездного лекаря Чернявского аптеку, самого его связали, прибили и привязали к столбу, равно как находившегося при нем мальчика (вероятно, Богданова. — А. Е.)». Вскоре к столбу привязали крестьян Мялочкина и Макарихина за то, что они «уклонились от толпы», а также проходившего мимо писаря смотрителя судоходства — по неизвестной причине²⁴.

Среди народа ходили слухи, что «лекарства [даваемые Чернявским] вредные, [что] в них есть яд, от которого люди помирают, кроме тех, кого лекарь лечил по домам, и забранные в карантин люди все померли»²⁵. В числе «свидетелей» злодеяний Чернявского была местная крестьянка Петрова, которая, согласно материалам следствия, говорила крестьянам, что «сын ее умер от яда, данного лекарем, и что за это его, лекаря, нужно жечь»²⁶.

Крестьяне потребовали от Чернявского «пробовать те лекарства, которые у него были», а крестьянин Рязанов заявил Чернявскому, что «много вашей братии лекарей мошенников, и ты такой же мошенник, у нас проживаешь». Дошло до того, что Чернявскому угрожали «лишить его жизни» за то, что он «отравил ядом их умерших родственников». Подозрения крестьян по отношению к Чернявскому усилились, когда они после обыска у врача «между выброшенных книг увидели одну латинскую, [и] почли ее за польскую»²⁷.

Одной из причин беспорядков было недовольство населения карантинном: «Крестьяне говорили, что они отягощены в содержании карантинного караула и что у них как жены, равно дети и родственники заражаются холерой от прибывших судов и просили карантинны уничтожить»²⁸.

Еще спустя неделю, 13 июля, начались беспорядки далее к востоку, в Важинском погосте Олонецкого уезда. В тот день в деревню Скуратово прибыл оператор (хирург) Олонецкой врачебной управы Белопольский, чтобы затем отправиться на лодке по Свири в деревню Усланку для освидетельствования и помощи двум больным из Архангельской губернии, находившимся в обсервационном доме. Однако в то время на пристани «по неизвестной причине собралось немалое количество мужиков», которые, подойдя к квартире, занимаемой дворянским заседателем земского суда Борисовым, закричали, что «надо лекаря осмотреть, нет ли принес чего». Борисов

23. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 3.

24. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 3, 109–110.

25. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 9.

26. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 61 об.

27. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 110.

28. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 111 об.

вызвал на помощь из расположенной на другом берегу Свири деревни Лаптевщина попечителя по борьбе с холерой Петра Гакуцкого, и им удалось успокоить народ²⁹.

Но когда Белопольский вместе с Борисовым и другими должностными лицами пришли на пристань и отправились на лодках до Усланки, то из Лаптевщины показались плывшие на лодках крестьяне «в немалом количестве», которые закричали, чтобы врач и его сопровождающие никуда не отправлялись. Чиновники были вынуждены вернуться; на берегу их окружила большая группа агрессивно настроенных людей³⁰.

Крестьяне отказались признавать Белопольского врачом, обвинили его в том, что оператор «при проезде рекою Свирью на судне выше Важин на плесе лил какой-то яд в воду несколько бутылок и будто бы от того заболело у них на их стороне (другой берег Свири, относящийся к Лодейнопольскому уезду Олонецкой губернии. — А. Е.) три человека»³¹. Крестьяне потребовали у чиновников предъявить паспорта, заявляя, что «лекаря им не надобно» и что «карантины все сняты». Также они потребовали показать к осмотру все принадлежащие Белопольскому вещи и лекарства, включая личные вещи в чемодане. Их требования были выполнены, но это не успокоило народ. Они потребовали от Белопольского пить из найденных при нем бутылок, очевидно, с медикаментами. Белопольский был вынужден пить уксус из одной из бутылок³².

Все это не успокоило крестьян; один из них, житель деревни Мигуновской Петр Таранкин, «замеченный несколько в нетрезвом виде», вместе с другими мужиками кричал, что «все те лекарства и бутылки надобно закопать в землю, а лекаря не отпускать никуда, а убить или утопить»³³.

Борисов был вынужден опечатать ящик с лекарствами и одежду оператора и доставить их в волостное правление. Но и там пререкания продолжились. Возбужденные люди ломались в правление, требовали выдать им лекарства. Там же была заявлена и другая, помимо отравления, причина, по которой следовало задержать врача: вышеупомянутый крестьянин Таранкин, показывая на Белопольского, кричал, что «они на государя руки поднимали, их выпустить не надобно, а лекарства все закопать в землю»³⁴. В этом эпизоде Таранкин озвучил ходивший в то время в России слух о покушении на царя (Пупарев, 1885: 83–84; Панаев, 1870: 77)³⁵.

29. Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 655.

Оп. 1. Д. 1232. Л. 3–4.

30. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 4 об., 32.

31. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 32.

32. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 32 об.

33. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 32 об. — 33.

34. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 33.

35. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15.

С большим трудом Борису, с помощью вновь приехавшего Гауцкого, удалось успокоить крестьян³⁶.

Согласно другой версии этих событий, рассказанной демьянским чиновником Соколовым в его воспоминаниях, крестьяне, услышав от Белопольского, что он «оператор», признали его «польским императором» и решили повесить, но врача спас исправник (Соколов, 1870: 189–190).

Главными виновниками беспорядков в Важинском погосте были крестьяне, входившие в сообщество лоцманов, проводивших суда через опасные пороги на реке Свирь. Можно предположить, что они, постоянно находясь в движении вдоль водных путей коммуникации, были хорошо знакомы со слухами, привезенными рабочими из Петербурга³⁷.

Вероятно, Важинский погост был последним эпизодом в рассмотренной череде волнений. Дальше на северо-восток никаких беспорядков источниками не зафиксировано.

За пять дней, с 26 июня по 1 июля, эпицентр беспорядков сместился на довольно большое расстояние: от Волхова до границ Олонецкой губернии. Скорость движения эпицентра волнений вполне соответствует скорости распространения слухов в условиях отсутствия современных средств коммуникации. Так, Ж. Лефевр, подробно исследовавший «Великий страх» 1789 года во Франции, показал, что скорость распространения слухов составляла до 50 км в сутки (Lefebvre, 1973: 155).

Факторы возникновения волнений

Можно выделить целый ряд факторов, разное сочетание которых в разных местах привело к массовым беспорядкам.

Первым фактором были слухи об отравлении и произошедших в Петербурге беспорядках. Слухи об отравлении могли возникать и независимо от событий в Петербурге, однако их активизация и переход их в опасное состояние были вызваны именно исходом рабочих из Петербурга. Они давали местным жителям пример того, как нужно поступать с «врагами» царя и отечества (см. эпизоды с Рокштулем и Дементьевым). Отсылка к событиям в столице легитимизировала действия людей в провинции. Слухи об отравлении и связанные с ними подозрения были важнейшим фактором во всех рассмотренных эпизодах волнений.

Вторым фактором было наличие удобных водных путей коммуникации (реки и каналы Мариинской системы), по которым люди и слухи могли быстро и беспрепятственно распространяться на большой территории. Этот фактор также действовал во всех рас-

36. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 34 об.

37. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 4 об., 7–9, 31 об., 40, 42.

смотренных случаях. При этом власти находились в безвыходной ситуации: свободное передвижение людей вызывало распространение слухов и массовые беспорядки, ограничение же передвижения создавало массовые скопления людей, которые тоже не означали ничего хорошего в плане общественного спокойствия.

Особенностью слухов об отравлении в Петербургской и Олонецкой губерниях было то, что, согласно им, злоумышленники отравляли воду именно в реках и каналах, а не в колодцах и прудах, как в Центральной России. Это можно объяснить как тем, что события происходили рядом именно с каналами и реками, откуда люди брали воду и которые были важнее для повседневного существования, так и тем, что в этом регионе слух об отравлении имел своим источником петербургские слухи, в которых, если верить Пржецлавскому, польские мятежники отравили именно реку — Неву, высыпая туда мышьяк в больших количествах с зафрахтованных кораблей (Пржецлавский, 1874: 695).

Третьим фактором были карантинные меры, которые, во-первых, сами по себе вызвали недовольство местного и пришлого населения, стесняя передвижение; во-вторых, через создание массового скопления недовольных людей формировали благоприятную среду для распространения старых слухов и возникновения новых. Карантинные меры были важным фактором во время беспорядков при устье Сяского канала и в Сермакской волости.

Четвертым фактором было массовое скопление людей в дни праздников. Известно, что в традиционном обществе граница между праздником и бунтом является подвижной, праздник может легко и быстро переходить в бунт (Чеканцева, 2012: 184; Озуф, 2003: 58–59). Этот фактор был важен для событий при устье Сяского канала (день Тихвинской иконы), а также, вероятно, в Сяских рядках (Петров день).

Пятым фактором было недоверие и трудности коммуникации между народом, с одной стороны, и врачами — с другой. Этот фактор проявился во время беспорядков при устье Сяского канала, где очевидным было недоверие населения к лекарю Штюцу, который, по его собственным словам, не знал русского языка³⁸, что затрудняло его взаимодействие с местными жителями. Также можно говорить и об общем недоверии населения к чужакам, проезжавшим через их селения. Это недоверие особенно обострилось летом 1831 года в период холерной «паники». Во время волнений в Сяских рядках крестьяне даже обыскивали комедиантов, задержанных по подозрению в отравлениях³⁹.

Шестым фактором было недоверие населения к самой медицинской инфраструктуре, сформировавшейся во время эпидемии холеры и противоэпидемических мероприятий. В условиях, ко-

38. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2400. Л. 83.

39. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 3.

гда широкие массы населения не верили в существование болезни и приписывали смертность отравлениям (холера, как известно, поражает желудочно-кишечный тракт, вызывая рвоту и диарею), сами предметы и субстанции, которые использовали врачи против холеры, вызывали негативные эмоции и агрессивную реакцию. В этой связи особенный страх у населения вызывали бутылочки с лекарствами, которые они видели у врачей и образованных слоев населения. Этот страх был настолько велик, что получил свое отражение в записанной много лет спустя быличке, согласно которой в холерный год мужик убил старуху-«холеру», начиненную пузырьками с ядом, который она пускала в деревенские колодцы (Попов, 1903: 20–21). Недоверие к медицинской инфраструктуре проявилось во время волнений при устье Сяского канала, в Сермакской волости и Важинском погосте.

Седьмым фактором были заявления людей, которые говорили о том, что они лично видели действия по отравлению (например, пономарь в Сяских рядках). Такие заявления, будучи по своей сути меморатами⁴⁰, немало способствовали распространению слухов. При этом сами эти мемораты были основаны на эпизодах острого поведения (Degh, Vazsonyi, 1983: 20; Архипова, Кирзюк, 2020: 57–59), когда люди, уже возбужденные слухами об отравлении, начинали видеть отравление в странных действиях подозрительных лиц. Любая манипуляция с неизвестной жидкостью или другой субстанцией могла вызвать подозрения в отравлении.

Можно сделать вывод, что изученные эпизоды холерных беспорядков, представляя собой последовательную цепь событий, были обусловлены целым рядом факторов и объединены общими подозрениями в отравлениях, которые были вызваны характерными для того времени слухами, распространяемыми преимущественно по водным путям сообщения. Данные волнения, при некоторых их локальных особенностях, являются составной частью общей холерной паники, охватившей европейскую Россию летом 1831 года, во время которой население искало подозреваемых в отравлениях.

Библиография

- Архипова А. С., Кирзюк А. А. (2020). Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение.
- Барабанова К. С. (2014). Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан // Труды Института российской истории РАН. № 12. С. 130–144.
- Гессен С. (1932). Холерные бунты (1830–1832). М.: Издательство политкаторжан.
- Граф Аракчеев и военные поселения (1871). СПб.: Русская старина.

40. Меморат — разновидность легенды, при которой рассказчик передает известный сюжет как часть своего личного опыта (в противоположность фэбулату, при котором рассказ ведется от третьего лица).

- Евстафьев П. П. (1934). Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М.: Издательство политехноружан.
- Каратыгин П. (1887). Холерный год. 1830–1831. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Озуф М. (2003). Революционный праздник: 1789–1799. М.: Языки славянской культуры.
- Панаев (1870). Рассказ инженер-подполковника Панаева // Бунт военных поселян в 1831 году: рассказы и воспоминания очевидцев. СПб.: Печ. В. Головина. С. 64–129.
- Полов Г. (1903). Русская народно-бытовая медицина. СПб.: Тип. А. С. Суворина.
- Пржецлавский О. А. (1874). Воспоминания. Очерки петербургской жизни // Русская старина. Т. 11. С. 665–698.
- Пупарев А. Г. (1885). Холерный месяц в С.-Петербурге // Русская старина. Т. 47. Кн. 7. С. 69–86.
- Соколов (1870). Рассказ чиновника в городе Демьянске Соколова // Бунт военных поселян в 1831 году: рассказы и воспоминания очевидцев. СПб.: Печ. В. И. Головина. С. 170–190.
- Чеканцева З. А. (2012). Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Эйлер А. А. (1880). Записки // Русский архив. Т. 2. С. 333–399.
- Degh L., Vazsonyi A. (1983). Does the Word «Dog» Bite? Ostensive Action: A Means of Legend-Telling // Journal of Folklore Research. Vol. 20. № 1. P. 5–34
- Lefebvre G. (1973). The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France. N. Y.: Vintage Books.
- McGrew R. (1965). Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison: University of Wisconsin Press.

Peasant unrest in the North-West of Russia in the summer of 1831

Alexander K. Egorov, PhD (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Lenin St., 33, Petrozavodsk, 185910; Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya St., 11, Petrozavodsk, 185910.
E-mail: akegorov@yandex.ru

Abstract. The article considers the peasant unrest in the North-West of Russia during the cholera epidemic. In the summer of 1831, after the mass outflow of workers from Saint Petersburg due to the cholera riots, a wave of peasant protests swept through Saint Petersburg and Olonets provinces: local residents attacked doctors and government officials, accusing them of abusing power and of poisoning the people under the pretext of fighting the epidemic. Such peasant revolts caused serious concern to the authorities that paid special attention to the population behavior during the epidemic. The distinctive feature of the peasant unrest was a gradual shift of its epicenter to the east along waterways — rivers and canals of the Mariinsky system. Peasant revolts were caused by a combination of factors that had both a nationwide nature and local specifics. The first important factor was rumors of poisoning that spread throughout the Mariinsky water system and its surroundings from Saint Petersburg due to its cholera riots. The second important factor were waterways that allowed people and rumors to travel relatively quickly over long distances. The third important factor was social distrust to authorities, doctors and anti-epidemic measures. The peasant unrest was a part of Russia's cholera riots in the summer of 1831.

Key words: peasant unrest, epidemic, cholera, rumors, poisoning, panic, violence, communication, communication lines

- Arkhipova A.S., Kirzyuk A. A. (2020) *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR], Moscow: NLO.
- Barabanova K. (2014) *Pervaya kholera v Sankt-Peterburge v 1831 g.: protivoepidemicheskie meropriyatiya i otnoshenie k nim gorozhan* [The first cholera outbreak in Saint Petersburg in 1831: Anti-epidemic measures and their perception by townspeople]. *Trudy IRI RAN*, no 12, pp. 130–144.
- Chekantseva Z. (2012) *Poryadok i besporyadok. Protestuyushchaya tolpa vo Frantsii mezhdu Frondo i Revolyutsiei* [Order and Disorder. Protesting Mob in France between the Fronde and the Revolution], Moscow: LIBROKOM.
- Degh L., Vazsonyi A. (1983). Does the word “dog” bite? Ostensive action: A means of legend-telling. *Journal of Folklore Research*, vol. 20, no 1, pp. 5–34.
- Evstafiev P. (1934) *Vosstanie voennykh poseljan Novgorodskoj gubernii v 1831 g.* [Farming Soldiers Rebellion of 1831 in the Novgorod Province], Moscow: Izd-vo politkatorzhan.
- Gessen S. (1932) *Kholernye bunty (1830–1832)* [Cholera Riots of 1830–1832], Moscow: Izd-vo politkatorzhan.
- Graf Arakcheev i voennye poselenija (1871) [Count Arakcheev and Military Settlements], Saint Petersburg: Russkaja starina.
- Eyler A. A. (1880) Zapiski [Notes]. *Russky Arkhiv*, vol. 2, pp. 333–399.
- Karatygin P. (1887) *Holerny god. 1830–1831* [Cholera Year. 1830–1831], Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasjulevicha.
- Lefebvre G. (1973) *The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France*, New York: Vintage Books.
- McGrew R. (1965) *Russia and the Cholera, 1823–1832*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Ozouf M. (2003) *Revoljutsionny prazdnik: 1789–1799* [Fete Revolution: 1789–1799], Moscow: Yazyki slavjanskoj kultury.
- Panaev (1870) Rasskaz inzhenera-podpolkovnika Panaeva [Story of the engineer-lieutenant-colonel Panaev]. *Bunt voennykh poseljan v 1831 godu: rasskazy i vospominanija ochevidtsev*, Saint Petersburg: Pech. V. Golovina, pp. 64–129.
- Popov G. (1903) *Russkaja narodno-bytovaja meditsina* [Russian Traditional Folk Medicine], Saint Petersburg: Tip. A. S. Suvorina.
- Przhetslavsky O. A. (1874) Vospominanija. Ocherki peterburgskoj zhizni [Memoirs. Essays on the Petersburg Life]. *Russkaja Starina*, vol. 11, pp. 665–698.
- Puparev A. G. (1885) Holerny mesyats v S.-Peterburge [Cholera month in Saint Petersburg]. *Russkaja Starina*, vol. 47, no 7, pp. 69–86.
- Sokolov (1870). Rasskaz chinovnika v gorode Demijanske Sokolova [Story of Sokolov, an official in Demjansk]. *Bunt voennykh poseljan v 1831 godu: rasskazy i vospominanija ochevidtsev*, Saint Petersburg: Pech. V. Golovina, pp. 170–190.

А. К. Егоров
Крестьянские волнения на Северо-Западе России летом 1831 года